

Таким образом, по результатам анализа, становится видно, что необходимо повышать качество выполнения сервисно-ремонтных работ с учетом требований сегментов, проводить постоянный анализ удовлетворенности заказчиков. В процессе мониторинга и оценки качества достаточно вопросов связано с выявлением первоначальных ожиданий заказчиков и оценке воспринятого ими качества, что может исследоваться при помощи маркетинговых инструментов, например, GAP-модели [1, 2], и дальнейшей дифференциации под сегменты с соответствующей маркетинговой составляющей логистического сервиса, создавая тем самым предпосылки для дальнейших исследований в ракурсе сервисной логистики.

Литература

1. Gronroos C. A Service Quality Model and its Marketing Implications // European Journal of Marketing. 1984. Vol. 18. No. 4. P. 36–44.
2. Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. A Conceptual Model of Service Quality and its Implications for Future Research // Journal of Marketing. 1985. Vol. 49. No. 4. P. 41–50.
3. Управление социально-экономическими процессами и системами в России: современное состояние и перспективы развития: монография / под ред. А.В. Семенова. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2014. 534 с.

Study of the basic elements of the service enterprise policy as a tool of marketing logistics

Olga Sergeevna Krainova, candidate of economic science, associate professor, the head of the department of management and tourism Moscow Witte University branch in Nizhny Novgorod

The article presents the results of the research of customers' satisfaction with the quality of the executed works and rendered services as a result of operation of logistics service system with the use of marketing tools. The analysis of the basic elements of the logistics service system and characterizes the main processes of their interaction to meet the needs of different segments of customers. And the necessity of identifying the initial customer expectations and evaluation of the perceived quality that is demanded marketing research methods. Aktualisierete the differentiation and segment relevant marketing component of logistics services, thus providing a background for further research in the perspective of logistics service.

Keywords: service logistics, marketing, meeting the needs of consumers, elements of the logistics system, logistics flows, customer segments, evaluation of the quality of the executed works and the rendered services.

УДК 330.8

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И НАРОДНОЕ ОСКУДЕНИЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Любовь Ивановна Зайцева, ст. науч. сотр.,

e-mail: vs@inecon.ru,

Институт экономики РАН,

http://inecon.org

В статье рассматривается экономическая политика Российской империи в последний период своего существования и ее результаты, среди которых самым важным оказался процесс обеднения населения страны. Автор последовательно рассматривает политику наиболее влиятельных и известных министров империи и результаты такой политики.

Ключевые слова: Российская империя, экономическая политика, индустриальное развитие, народное оскудение

DOI: 10.21777/2307-6135-2016-4-77-84

Вопрос о роли экономической политики правительства в индустриальном развитии России занял особое место в историографии последнего 30-летия как советской, так и зарубежной. Оценка этого периода продолжается и в настоящее время, что исключает возможность однозначного освещения проблемы и обуславливает необходимость отражения различных точек зрения. Не претендуя на абсолютную объективность, автор попытался отразить свой взгляд на эту, актуальную и для наших дней, проблему.

Министр финансов М.Х. Рейтерн (1820–1890, министр в 1862–1878 гг.), проводивший промышленно-капиталистическую политику в 1860–1870 годах, по словам академика А.Н. УССР П.И. Лященко (1876–1955), «был убежденным сторонником частнохозяй-

Л.И. Зайцева

ственной деятельности и инициативы и противником государственного хозяйства, особенно, например, в области железнодорожного строительства, банковского дела и пр.»[1] Министр был сторонником частного предпринимательства, поощрял строительство железных дорог (при нем была построена железнодорожная сеть протяженностью более 20 тыс. км.), предоставлял частным железнодорожным обществам концессии и ссуды, поддерживал частный кредит, благодаря чему создалась целая сеть частных коммерческих и земельных банков; при нем стали появляться ссудосберегательные товарищества (правила 1869 г.), проявлял заботу о развитии черной металлургии.

Пришедший в 1881 г. на пост министра финансов Н.Х. Бунге (1823–1895, министр в 1881 – 1886 гг.), по мнению того же Лященко, был «одним из наиболее видных проводников буржуазной экономической политики в России» [1]. Отдавая должное необходимости ограниченного государственного вмешательства в экономику, Бунге в то же время проявил себя убежденным сторонником частной собственности и свободы предпринимательства; он же – прекрасный знаток западных экономических концепций и ненавистник социалистических и коммунистических учений. При нем началась подготовка денежной реформы. С осени 1884 г. Государственный банк приступил к накоплению золота «изъ поступлений въ уплату таможенныхъ пошлинь и за счетъ внешнихъ займовъ».

Бунге сменил министр финансов И.А. Вышнеградский (1831–1895, министр в 1888–1892 гг.). Ученый-механик, основоположник теории автоматического регулирования, почетный член Петербургской АН (1888) он успешно стал осуществлять задачу укрепления «национальной системы» русского капитализма, проводил «политику привлечения иностранного капитала в русскую промышленность, усиления таможенного протекционизма, увеличения кредитных операций, укрепления устойчивости русской валюты»[1]. Проблему индустриализации и финансовой стабильности он старался решить за счет сельского хозяйства: стимулировал вывоз не только хлеба, но и необходимых запасов крестьян, не уделяя при этом аграрному вопросу должного внимания, что явилось одной из причин массового голода в 1891–1892 годах.

Политика промышленного капитализма нашла свое наиболее законченное выражение в деятельности министра финансов С.Ю. Витте (1749–1915, министр в 1892–1903 гг.) – крупнейшей фигуры среди государственных деятелей и царских министров за последние пятьдесят лет существования империи. По словам Лященко, «в 90-х годах государственная экономическая политика приобретает наиболее законченное выражение интересов промышленно-капиталистического развития»[1]. Витте добился введения в России «золотого стандарта» (1897), способствовал притоку в Россию капиталов из-за рубежа, поощрял инвестиции в железнодорожное строительство (в том числе Великий Сибирский путь). Его кипучая деятельность привела к резкому ускорению темпов промышленного роста в Российской Империи.

Тем не менее, почетный член С.-Петербургской АН (1888) Лященко вынужден был признать, что в России 90-х годов «капиталистическое содержание» все еще развивалось «в самодержавной, помещичьей, полукрепостнической оболочке, сильнеешим

образом тормозившей дальнейший ход капиталистического развития». В «интересах промышленной буржуазии», на его взгляд, необходимо было «возможно скорое и полное уничтожение всякого рода крепостнических пережитков, препятствующих свободе капиталистического развития»[1].

Что же представляла собой Россия до отмены крепостного права? Вплоть до середины XIX в. русская промышленность отличалась застоём в технике, вследствие чего к концу века вывоз промышленных изделий почти прекратился, хотя ещё в начале века Россия вывозила льняные ткани в Европу, сукно – в Китай, а экспорт железа составлял 13% всего экспорта. Важнейшей причиной упадка внешней торговли России было то, что Европа и Америка, вытеснив из текстильной индустрии ручной труд и научившись углем выплавлять железную руду, чрезвычайно удешевив товары этими нововведениями, обогнала Россию в техническом отношении. Во всех этих промышленных отраслях Россия оставалась далеко позади [9].

Известный исследователь русской артели и домашней индустрии А.А. Исаев (1851–1924) такими словами охарактеризовал время до отмены крепостного права. «Во второй половине XIX в., – писал он в своем труде «Социально-политические очерки» (1902) – недостатки свободного труда и рабства явно обнаружались. Необходимо было приступить к постройке железных дорог, поощрять разные отрасли промышленного производства, открыть новые источники государственного дохода. Все эти настоятельные задачи плохо совмещались с сохранением несвободного, и потому и малоценного и непроизводительного труда»[2]. Чтобы занять ведущее место во внешней торговле России необходимо было выйти из застоя, для чего требовалось организовать собственную высокотехническую индустрию.

Освободившись от крепостного права, царское правительство все свои силы направило на индустриализацию страны. Основным курсом индустриализации страны стало железнодорожное строительство. Железные дороги, по мнению правительства, должны поднять экономическое благосостояние в самых отдаленных уголках России, дать новые импульсы внутреннему товарообмену и товарному экспорту.

Во второй половине XIX в. в России сложилась своеобразная система частного железнодорожного хозяйства с самым широким государственным участием и всесторонней поддержкой железнодорожных дельцов, принявшая с середины 1880-х гг. «безпрецедентные размеры». Если до отмены крепостного права строительство железных дорог шло медленно (в 1838 г. было построено всего лишь 25 верст), то уже до 1901 г. было построено 53 064 версты [3]. Одновременно со строительством железных дорог началось форсированное создание «железнодорожной промышленности»: транспортного машиностроения, рельсового производства и предприятий военной промышленности.

В конце 50-х годов XIX в. в Западной Европе произошло снижение таможенных пошлин, и Россия становится житницей Европы. С появлением железных дорог огромные массы хлеба стали стекаться к морским портам, при этом внутренняя торговля хлебом стала снижаться пропорционально расширению железнодорожной сети: в 50–60-х годах на внутренний рынок стало поступать в 7–8 раз меньше хлеба, чем за границу [4]. Если в 1856–1860 гг. среднегодовой экспорт хлебных злаков составлял 69 254 тыс. пудов зерна при железнодорожной сети в 982 версты, то в 1876–1880 гг. экспорт хлеба достиг 257 143 тыс. пуд. при сети в 17 418 верст [3].

Нуждаясь в деньгах, правительство вынуждало крестьян продавать хлеб на корню, который тут же вывозился по железным дорогам за границу. За счет дешевого русского хлеба европейские страны получили возможность сократить у себя маловыгодную зерновую отрасль, для чего и были сняты все таможенные преграды для импорта русского хлеба. Перестроив структуру своего сельского хозяйства, они направили все свои усилия на развитие животноводства.

Россия не только обслуживала своим хлебом 30 млн. иностранных потребителей, но и ежегодно посылала за границу 60–70 млн. пудов дешевых интенсивных кормов –

отрубей и жмыхов – для откорма заграничного скота[5]. В Сама же Россия в это время сохраняла зерновое направление, так как оно отвечало «преобразованиямъ земледѣльской промышленности западноевропейскихъ государствъ, отвечающихъ требованіямъ капиталистическаго строя»[5].

С 1884 г. царское правительство в лице министра финансов И.А. Вышнеградского начало проводить политику золотого запаса (что позволило его преемнику С.Ю. Витте в ближайшем будущем провести денежную реформу – ввести «золотой рубль»). Поставив себе целью довести торговый баланс до максимально возможной степени активности («нормировать вывозъ и ввозъ, приче́мъ первый подлежалъ усиленному поощренію, а импортъ – возможному сокращенію»[3]), Вышнеградский, в частности, провел понижение хлебных тарифов. На зерно, вывозимое за границу, была установлена 10%-ная скидка. Этим актом был стимулирован вывоз не только излишков хлеба, но и части необходимых запасов крестьян. Именно Вышнеградскому принадлежит крылатое выражение: «Сами недоедимъ, а вывеземъ».

Вместе с политикой золотого запаса резко увеличилось косвенное обложение широких народных масс. С 1866 по 1898 г. косвенные налоги выросли с 170,8 млн. до 634,9 млн. руб. Наибольшую долю среди косвенных налогов заняли питейные, которые в 1866 г. составили 121,8 млн. руб., а в 1898 г. – 289,6 млн. руб.; затем шли таможенные, увеличившиеся за эти же годы с 32,6 млн. руб. до 218,9 млн. Повышение косвенных налогов свидетельствует, во-первых, о полном отсутствии у населения платежеспособных средств для других обложений и, во-вторых, о том, что государству больше неоткуда было взять денег. К 1912 г. в России косвенные налоги достигли 77%, а прямые – 13,7% [6].

Какую бы форму не имели косвенные налоги, своей тяжестью они падают на земледельческое население, силы которого, несмотря на значительный промышленный подъем, проводившийся в России со второй половины XIX в., были крайне истощены. В 1900 г. за крестьянами числилось 120 млн. руб. неуплаченных податей[5]. Исследования, проведенные в разных частях России, выявили «полное хозяйственное разстройство сельскаго плательщика-домохозяина и сельскаго хозяйства, положеніе котораго значительно ухудшилось за послѣдніе 7 летъ (1893–1900 гг.), усугубившись въ результатѣ ряда неурожаевъ, начиная съ 1870 г., охватившихъ огромную наиболѣе плодородную Имперію, послѣдствіемъ которыхъ, особенно въ 1891, 1896 и 1897 гг., явился прямой голодъ нѣсколькихъ миллионѣвъ населенія»[7]. Сельское хозяйство, из котораго с таким усердием правительство выжимало соки для получения активного торгового баланса, «въ концѣ концовъ пало, совершенно обезсиленное».

Польза народная заменилась пользой «царственной», а крестьяне, предоставленные самим себе, всеми забытые и никому не нужные, вынуждены были ради куска хлеба скитаться по стране в качестве поденщика или фабричного рабочего, а в годы неурода, что так часто случалось на Руси, ходить за хлебушком («идти въ кусочки»). «А разъ земледѣлецъ ушелъ, онъ – пропащій чѣловекъ. Онъ уже выходитъ изъ сферы нравственнаго и матеріальнаго вліянія общины... и вступаетъ на новый путь, гдѣ не нужны ни солидарность, ни справедливость»[5]. Способна ли поднять вымирающую деревню бурно развивающаяся промышленность? Не способна, так как цели у правительства и народа были совершенно разные.

Витте С.Ю., заступив на пост министра финансов (1892), продолжил принятую его предшественником «односторонне-фискальную политику» правительства индустрии с полным игнорированием аграрного характера России, хотя на заседании Государственного совета 30 декабря 1902 г. он открыто высказал свое мнение по поводу тяжелого положения русского крестьянина. «Экономическое положеніе количественно преобладающихъ классовъ населенія, – со всей откровенностью признался он на этомъ засѣданіи, – клонится къ упадку»[3]. В его правление финансово-экономическая политика царскаго правительства целиком и полностью устремилась в сторону индустриальной Европы.

Мысли правительства были заняты исключительно промышленным бумом, стро-

ительством железных дорог и накоплением золотого запаса. В лице Министерства финансов оно сокращает ссуды, кредиты и др. операции, покровительствует экспорту крестьянского хлеба и импорту иностранного сырья и промышленных изделий. Оно как бы забыло, что в России есть население, которое могло бы поднять отечественное производство и стать верной опорой самодержавной власти.

Но мог ли осуществиться в России промышленный подъем при ничтожном количестве рабочих, не говоря уже о квалифицированных рабочих. По переписи 1897 г. в стране насчитывалось всех ремесленников, фабрично-заводских рабочих и предпринимателей 5,1 млн. человек. В 1887–1897 гг. численность рабочих возросла на 59,2% (с 1,3 млн. до 2,1) [3]. А если эти данные сопоставить с данными о росте всего населения, то получится, что при общей численности населения в 130 млн. человек, в индустрии было занято не более трех миллионов вместе с фабричными работницами и несовершеннолетними работниками (менее 3%); из ежегодного прироста населения – до 2-х млн. – в индустрии могло быть задействовано не более 100 тыс., т.е. около 5% [3]. В начале XX в. в России явно преобладало земледельческое население.

В своей основной массе рабочие были неграмотны и совершенно неспособны к сложному труду. А если учесть, что 78,8% всего населения было абсолютно неграмотно, то о какой промышленной революции можно было думать в то время, когда в средних и высших учебных заведениях училось всего 1,4 млн. человек, или 1,1% населения [8]. Иностранцы соглашались в том, что главной причиной медленного освоения богатств России было «невысокое качество труда русского рабочего». Мало того, они сознавали, что русские люди «ненавидят и презирают фабрику – явление, которое всегда наблюдается среди коренного сельского населения». «Деревенское общество в целом презрительно относилось к фабричной работе и с отвращением – к фабрикам и машинам» [9]. В неприязни русского человека к фабрично-заводскому производству отразилась связь русского рабочего с деревней, вынужденного из-за своего скудного существования оставлять землю и уходить на заработки в города, но и в городе он оставался прежде всего крестьянином, членом сельской общины.

Князь Александр Щербатов (1829–1902), русский офицер и московский городской голова, поставил четкий диагноз экономической политике царского правительства. «Все недочеты русской государственности и русской народности, – писал он в своем труде «Государственно-народное хозяйство России в ближайшем будущем» (М., 1910), – происходят от пренебрежения, в котором находятся промышленность и русская торговля, подчиненности их администрации и полиции. Виновато в этом русское общественное мнение, благодаря которому установилось и соответствующее отношение к промышленности и торговле со стороны правительства. Русское общественное мнение не верит ни в трудолюбие русского народа, ни в его творчество, оно верит только формулам и коэффициентам иностранной науки и техники, в чудотворительную силу иностранного капитала, не знакомясь с ним по-настоящему» [10]. «Бегство от земли» оставалось единственным выходом для многих тысяч людей, которым ни земледелие, ни кустарный труд, не гарантировали прожиточного минимума.

Хозяйственно-политическое направление политики государства, характеризующееся особым и постоянным попечением со стороны правительственных властей об интересах внедрения частнокапиталистической промышленности, относилось к народу с полным пренебрежением, не доверяло ему, не верило в его силы и возможности, в его творческий потенциал. Правительство не хотело знать, что в период промышленного подъема конца XIX в., а точнее, в 1893 г., в стране насчитывалось более 100 тыс. мелких фабрик и заводов, до 70 тыс. ремесленно-фабричных предприятий и более пяти миллионов кустарей, но все они были лишены промышленного кредита и в большинстве случаев владели жалким существованием [11].

На развитие кустарной промышленности правительство выделило в 1888 г. из 840 млн. руб. бюджета всего 0,004 %, а в 1907 г. из 2 713 млн. руб. – 0,008%. «Какой прогрессь,

– восклицает обозреватель журнала «Экономист России», – удвоение заботь за 20 лѣтъ о развитіи производительныхъ силъ страны: целые восемь тысячныхъ процента вместо четырехъ тысячныхъ!». В 1910 г. правительство ассигновало 849,4 тыс. руб., или 0,3% общихъ расходов, но ассигнования эти нищенски убоги по сравнению с громадной нуждой, тем более, что «нужда эта не только самихъ кустарей, но нужда государственная»[11].

С.Ю. Витте, выступая 1 марта 1899 г. в комиссии по упорядочению хлебной торговли, сказал: «По моему глубокому убежденію, нѣтъ на Руси болѣе важнаго экономического вопроса, болѣе охватывающаго все стороны нашей хозяйственной жизни, какъ именно вопросъ о коренномъ улучшеніи хозяйственнаго быта сельскаго населенія въ широкомъ значеніи этого слова. Это – вопросъ всего нашего житья-бытія, въ немъ растворяются все другіе. Отъ него, какъ отъ центральнаго нерва, и должно исходить освещеніе всѣхъ мероприятий на пользу хозяйственнаго развитія, на пользу всей народной производительности». Говоря о кредите, т.е. финансовой помощи государства сельскому хозяйству, зависящей прежде всего от министерства финансов, он сказал: «признаю всю необходимость [кредита], ощущаемую сельскимъ хозяйствомъ, но не нахожу возможности принять осуществленіе его на средства Государственнаго банка»[7].

Несмотря на Высочайше утвержденное положение от 1 июля 1895 г. о содействии мелкому кредиту, деятельность Государственного банка по развитию мелких форм кредита не получила широкого распространения. Государственный банк выдавал ссуды в основном на крупные торгово-промышленные операции, от которых рассчитывал получать высокие дивиденды. Эти ссуды были долгосрочными и выдавались прежде всего под недвижимое имущество: фабрики, мельницы и т.п. Отдел сельской экономии не имел возможности выдавать крупные ссуды и ограничивался лишь выдачей мелких ссуд. Источником этих ссуд служил находящийся в распоряжении ведомства капитал в размере 78 тыс. руб. В 1908 г. ссуды из него значились за 34 учреждениями [11].

От правительства требовалась помощь на развитие тех отраслей, которые появились в народе. Не подлежит сомнению, что «для будущаго Россіи наиболѣе хорошихъ результатовъ можно ждать при помощи промышленности рядомъ съ естественно должествующимъ совершаться развитіемъ и ростомъ сельскохозяйственной промышленности». Однако правительственная политика была целиком направлена на индустриализацию страны, а не на подъем сельского хозяйства, хотя последнее представляло собой главнейший источник существования 80%-го русского населения. С 1887 по 1897 г. объем производства промышленной продукции вырос на 225%, а сельского хозяйства – на 13% [11]. Эти цифры красноречиво говорят сами за себя. Следует добавить, что расходная часть Департамента земледелия, образованного в 1894 г., составляла в 1894 г. 2,4 млн. руб.; к 1906 г. эта сумма была доведена, «ценою невероятныхъ» усилий, до 4 млн. руб. – «поистинѣ героическіе усилія для поддержанія серьезнейшей отрасли народнаго труда»[6].

В правительственных актах, декларациях и выступлениях в Государственной думе, в важнейших правительственных постановлениях и распоряжениях, принятых с конца XIX в. до 1905–1907 гг., не было сказано ни единого слова о задачах в области развития сельского хозяйства, этого основного источника народного благосостояния. Все правительственные документы говорили о росте крестьянского землевладения, о землеустройстве, переселении крестьян и т.п., но нигде не ставился вопрос о хозяйственно-финансовой помощи сельскому хозяйству, хотя «благосостояніе земледѣльца зиждется не на количествѣ земли, а на культурномъ и производительномъ приложеніи къ землѣ труда». Английская газета «The Statist» в 1910 г. писала: «Слабая сторона русскихъ финансовъ во всѣхъ заключается въ постоянной задолженности. Такая страна, какъ Россія, съ ее огромными естественными богатствами... должна дѣлать крупныя долги, если хочетъ достигнуть благосостоянія путемъ развитія своихъ природныхъ богатствъ. Но въ Россіи лишь весьма незначительная часть ее огромныхъ государственныхъ доходовъ идетъ на снабженіе населенія средствами для успешнаго выполненія его жизненныхъ задачъ»[6].

После проведения аграрной реформы П.А. Столыпина (9 ноября 1906 г.) средне-

годовые расходы Департамента земледелия на развитие всех видов сельской промышленности в 1912 г. составили сумму в 12,4 млн. руб., или около 10 коп. на душу сельского населения, и 12,4 коп. на десятину обрабатываемой земли. Если сравнить эти затраты с затратами других государств, то приведенные цифры покажутся еще более незначительнее. В 1907–1911 гг. аналогичные расходы на 1 дес. обрабатываемой земли составили: в США – 4,8 руб., Германии – 4,25 руб., Англии – 3,9 руб., Франции – 2,1 руб., Австро-Венгрии – 1,36 руб.[6]

Правительство России, «делая бросокъ» в сторону крупной промышленности и проводя политику «золотого запаса», предало забвению сельское хозяйство, хотя в силу особой тяги русского крестьянина к земле, ему необходимо было направить все свои усилия на поднятие отсталого сельского хозяйства и повышение его доходности. Не показали ли ошибочность «царственной» политики неурожаи 1891 г. и 1892 г., вызвавшие страшный голод среди крестьянства? Разве можно считать достаточно ассигнований для крупнейшего аграрного государства на животноводство, птицеводство и технические культуры от 10 до 42 коп. на хозяйство? [12] На те суммы, которые выделяло правительство на сельское хозяйство, можно было организовать лишь одно опытное поле на район в радиусе до 1000 верст, построить одну школу на целый край или устроить две-три выставки птицеводства. Такие мелкие ассигнования никак не укладываются в понятие о политике, решающей широкомасштабные государственные задачи.

В то же время с 1894 по 1899 г. возросло число акционерных компаний с 63 до 327, а их капиталы соответственно увеличились с 54,6 млн. руб. до 358,4 млн. руб.[13] Министерством финансов были опубликованы сведения, согласно которым общий действительный прирост акций и облигаций всех видов акционерных компаний в обращении на российском фондовом рынке за 1904–1912 гг. составил 1 629 млн. руб., в том числе торгово-промышленных обществ – 1 017 млн. руб. (62%); банков – 387 (24%) и железных дорог – 294 млн. руб. (14%). Из общей суммы выпущенных бумаг торгово-промышленных компаний в 1904–1908 гг. более 15%, а в 1909–1913 гг. около 30% было реализовано за границей. При этом за границей размещались акции не только дополнительных выпусков, но и вновь организованных компаний [14].

Общее число действовавших в стране акционерных компаний (без железнодорожных) с начала 1902 г. по 1 мая 1914 г. увеличилось с 1506 до 2263, а их капиталы – с 2467 до 4639 млн. руб., т.е. на 150 и 192%. Абсолютный прирост составил 757 компаний и 2172 млн. руб. капитала, или в среднем 62 компании и 181 млн. руб. в год [15].

Односторонняя направленность экономической политики на создание промышленной надстройки над «разваливающимся зданием сельскохозяйственного производства», привела к появлению поразительного контраста между финансовой деятельностью государства и крахом внутри самого государства. Автор многих статей по экономическим и аграрным вопросам К. Головин (1843–1913) пишет в своей книге: «Наша финансовая политика и задачи будущего»: «Можно, по-видимому, среди медленно накапливающегося капитала, еще медленно разрабатывающего свои природные богатства, искусственно вызвать признаки экономического оживления, привить къ нему, такъ сказать, и промышленное грюндерство, и биржевую лихорадку, и даже призракъ богатства – организовать металлическій запасъ. Можно это потому, что государственная власть, – въ то же время механической аппаратъ огромной силы, могущій приводить въ движение миллионы рублей и такіе же миллионы человеческихъ существъ. Нужды нѣтъ, что это движеніе вызвано не внутренними потребностями организма, а поэтому, какъ и экономическіе начинанія государства, они обходятся очень дорого, и что, потому, видимое обогащеніе можетъ быть только кажущимся»[16].

Несмотря на усиленные меры по поднятию отечественной промышленности, бюджет России основывался исключительно на рискованном экстенсивном земледелии и питейном доходе. Это ставило страну в бедственное положение, хотя Россия в лице своего великого народа имела все необходимые условия для подъема производитель-

ных сил, минуя стадию искусственной капитализации, навязанную ей «свышЪ» самодержавной политикой.

Пока русский мужик прочно сидел на своей земле и был тверд в своей вере, не существовало опасностей для Русского государства. Но вместо того, чтобы видеть в крестьянах опору власти, готовить его к общественной и хозяйственной жизни страны, развивать его творческую инициативу и личную предприимчивость, царское правительство, оторвавшись от народа, поставило его на путь хищнического, основанного на частной собственности, капитализма. Россия не нуждалась во введении и обширном распространении фабрик по их новейшему европейскому образцу, так как эти фабрики самым неблагоприятным образом влияли на нравственность низших слоев [17].

Советский ученый П.И. Лященко был прав, когда писал о том, что невозможно провести успешно промышленную революцию в условиях натурального строя и патриархального быта, что представляла собой Россия в конце XIX в. – начала XX веков. Русский крестьянин против своей воли был вовлечен в мировое рыночное хозяйство и капиталистические отношения, хотя весь натурально-хозяйственный строй России и весь духовно-нравственный уклад русского крестьянина не соответствовал этому процессу. На съезде представителей промышленности и торговли, состоявшемся в 1914 г., отмечалось: «Народному хозяйству Россіи нужны не потуги государственнаго капитализма, не экономическіе экспромты, не внезапные административно-юридическіе выпады, ему нужна целесообразная деятельность Правительства съ учетомъ будущихъ возможностей и правильнымъ соответствіемъ требованіямъ даннаго времени» [18]. «Не насиловать народнаго быта, а, напротивъ, приноравливать свои предположенія къ укоренившимся обычаямъ», – так было сказано в Манифесте 19 февраля 1861 г.

Литература

1. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. II.
2. Исаев А.А. Социально-политические очерки. Штутгарт, 1902.
3. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России. СПб., 1909.
4. Струве П.Б. Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в России в XIX в. //«Мир Божий». СПб., 1899. № 10–11.
5. В.В. (Воронцов В.П.) Судьба капиталистической России. СПб., 1907.
6. Денисов В.И. К оценке экономического положения России. СПб., 1913.
7. Дедюлин С.А. К вопросу о причинах физического вырождения русского народа. СПб., 1900.
8. Менделеев Д.И. К познанию России. СПб., 1912.
9. Фон Г. Шульце-Геверниц. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1901.
10. Щербатов Ал. Государственно-народное хозяйство России в ближайшем будущем. М., 1910.
11. Субботин А. Экономист России. СПб., 1910. № 8 (26 февраля).
12. Кульжский А.Е. Может ли русский земледelecь выгодно продавать свой хлеб. М., 1913.
13. Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901.
14. Министерство финансов 1904–1913. СПб., 1914.
15. Мировые экономические кризисы. М., 1939. Т. III.
16. Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. СПб., 1899.
17. Ганкстгаузен А.С. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870.
18. Доклад Совета съезда представителей промышленности и торговли... СПб., 1914.

Economic policy and national impoverishment (second half of XIX - early XX centuries.)

Lubov Ivanovna Zaiceva, Senior Researcher of Institute of Economics of RAS

The article examines the economic policies of the Russian Empire in the last period of its existence and its results, among which the most important process proved to be impoverishment of the population. The author considers the policy consistently the most influential and prominent ministers of the empire and the results of such a policy.

Keywords: Russian Empire, economic policy, industrial development, the people's impoverishment